С. И. Тимина

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ: СУДЬБА ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОМА ИСКУССТВ В ПЕРИОД СЛОМА ЭПОХ

В статье исследуется малоизвестный материал, связанный с историей создания петербургского Дома искусств (1919–1923) и с его важной ролью в культуре России послеоктябрьского периода. По существу своей деятельности Дом искусств явился значимой эмблемой культурной жизни города и страны. Дом искусств (ДИСК), объединивший в своих стенах петербургскую творческую интеллигенцию, включился в глобальный диалог о судьбах русской и мировой культуры. Опираясь на разнообразные современные фактические источники и восстановив масштабную картину деятельности Дома искусств, сегодня мы имеем возможность обратиться к проблеме его закрытия и к причинам фактического отторжения и изъятия его из эволюционной картины развития русской литературы 1920-х годов.

Ключевые слова: Дом искусств, судьбы культуры, преемственность, свобода творчества, формотворчество, традиции.

S. Timina

BETWEEN TWO FIRES: THE FATE OF PETERSBURG ARTS CENTER IN THE PERIOD OF HARDSHIP

The article investigates the sources related to the establishment of Petersburg Arts Center (1919–1923) and its important role in Russian culture of post-October period. The activities of Petersburg Arts Center represent the emblem of cultural life of the city and the country. Petersburg Arts Center was the place where Petersburg intellectuals gathered to be involved in the global dialogue on the fate of Russian and worldwide culture. Nowadays having at hand various modern factual sources and a thorough understanding of the activities of Petersburg Arts Center we have a possibility to investigate the issue of its shutting down, reasons for its rejection and exclusion from the evolutionary map of the Russian literature of 1920s.

Keywords: Arts Center, fate of culture, continuity, freedom of art, tradition.

В трудные голодные годы послеоктябрьского бытия невозможно обойти молчанием уникальный факт создания в Петербурге Дома искусств (1919–1923), по существу своему явившегося значимой эмблемой культурной жизни города и страны.

По инициативе М. Горького власти города в 1919 году передают реквизированный особняк банкира С. П. Елисеева на углу Невского проспекта и реки Мойки для поселения в нем деятелей русской творческой интеллигенции с целью организации петербургского просветительского центра. Объединившись в особняке, крупнейшие писатели, поэты, режиссеры, художники создали фантастическую по своей значимости программу культурной работы, в которую вовлекли население города: лекции, художественные студии, встречи с писателями, художественные выставки и т. д.

В жесточайшей ситуации дефицита продовольствия, тепла, электричества члены

Дома искусств (сокращенно ДИСК) проводили все эти мероприятия, не прекращая собственной творческой работы. Созданные ими в эти годы художественные шедевры дошли до нашего времени как хрестоматийные поэтические и прозаические тексты (стихи и поэмы А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Ходасевича, проза К. Федина, Е. Замятина, М. Зощенко, А. Грина), а также полотна Б. Кустодиева, К. Петрова-Водкина, М. Добужинского и многих других авторов.

В работах тех немногих исследователей, которые обращались к истории ДИСК, отмечая весомость и неоценимость вклада его участников в развитие искусства XX столетия, далеко не всегда раскрывается труднейшая, подчас трагическая ситуация его бытия и далее — исчезновения в волнах революционного времени. Не случайно в своем романе-воспоминании Ольга Форш, участница событий ДИСК, назвала его «Сумасшедшим кораблем».

Опираясь на разнообразные современные фактические источники, сегодня есть возможность, восстановив масштабную картину деятельности Дома искусств, обратиться к проблеме его закрытия и к причинам фактического отторжения, изъятия из эволюционной картины развития русской литературы раннего периода.

Дом искусств управлялся Высшим советом, куда входили писатели, художники, критики. Открытие Дома искусств состоялось в декабре 1919 года в сложнейшее время, связанное с острым внутренним и внешним положением страны, в ситуации разрухи, голода, безработицы, с установлением новой революционной власти, сопровождаемым приказами и декретами, со вспыхивающим время от времени «красным террором», неостывающими очагами гражданской войны.

Тем не менее программа, с которой ДИСК вписался в драматичную эпоху, несла в себе обнадеживающую духовную силу. Большие аудитории слушателей, жителей города, собирались в ДИСК на лекции и встречи с известными поэтами, писателями, художниками. Морозными вечерами, пешком, в полутемном городском пространстве шли и шли люди — не за куском хлеба, в котором все так нуждались, а за глотком вольного, талантливого Слова, которое поддержит и укрепит силу страждущего.

Календарь ДИСК отражал содержание своеобразных «дней открытых дверей», работу литературных кружков и студий, художественных выставок. Проблематика и тематика докладов, дискуссий, встреч позволяет ощутить содержательность и масштабность этой работы.

Это были доклады с анализом классических традиций великой русской литературы и бурные дискуссии о современной поэзии, о работах крупных художников, о новаторстве в литературе и т. д. Много внимания устроители вечеров уделяли истории и эстетическому великолепию Петербурга, его воспеванию в стихах поэтов («Красив ли Петербург?»). На вечерах, посвященных русской поэзии, привлекавших огромное количество слушателей, выступали «живые классики»: А. Блок, Н. Гумилев, Г. Иванов, М. Кузмин, Вл. Пяст, Вс. Рождественский и другие. Из Москвы приезжал Вл. Маяковский, который знакомил слушателей с неопубликованной поэмой «150 000 000», А. Белый читал главы нового романа «Записки чудака», А. Грин — новую повесть «Алые паруса». Многие лекции соединялись с творческими диспутами. Художники организовывали выставки своих новых картин, сопровождая их показ беседами на тему «Искусство видеть» (К. Петров-Водкин). Активно работала музыкальная секция ДИСК.

Наряду с публичными выступлениями программа ДИСК содержала целый ряд

кружков и литературных секций, участники которых обучались навыкам поэтического слова, технике перевода и т. д. Уже в октябре 1920 года пришлось расширять программу студийной работы вследствие прилива слушателей (записано более 350 человек).

Весь спектр этого многообразия объединяла определенная концептуальная общность, в рамках которой работали представители творческой интеллигенции под крышей Дома искусств. Ситуация революционного обновления страны выдвигала на первый план проблему кардинальной смены культур. Новое, революционное бескомпромиссно противопоставлялось старому, буржуазному. ДИСК всей своей деятельностью включался в глобальный диалог о судьбах русской и мировой культуры: преемственность или драматический отрыв.

Обитатели ДИСК становились активными творцами художественных миров, определяющих пути развития культуры. С присущей молодости дерзостью члены группы «Серапионовы братья» (М. Зощенко, В. Каверин, Л. Лунц и др.) выступают в печати с манифестами, в которых отстаивают свободу творческого волеизъявления писателя новой эпохи.

Основной творческой ориентацией большинства творцов ДИСК была установка на неразрывность связей русской литературы и культуры с национальным классическим наследием и с мировой художественной культурой. Это вызывало идеологическое раздражение властей, желание обвинить авторов в буржуазной зависимости, во взглядах, враждебных пролетариату.

В период 1918–1924 гг. с именем Дома искусств связана активная деятельность М. Горького по поддержке русской литературы, русской культуры. Его инициатива проявилась в создании таких явлений, как создание издательства «Всемирная литература» и открытие в Петербурге Дома искусств. Эти мероприятия сближали задачи развития культуры в эпоху перемен. Так, в планы издательства входили подготовка и издание текстов русской и мировой классики в невиданных до того тиражах и масштабах. Переводчиками и комментаторами, авторами вступительных статей были писатели, поэты, критики, среди них — члены ДИСК. Площадка Дома искусств постоянно была местом творческого обмена мнениями, публичным обсуждением вышедших в свет шедевров литературы.

Общение М. Горького с творческой элитой в трудные годы гражданской войны и разрухи много раз побуждало его к поддержке и спасению писателей от голодной смерти, а в годы «красного террора» — от арестов. Покровительствуя писателям, М. Горький переживает в эти годы сложный мировоззренческий период собственного сосуществования с новой властью. К. Чуковский, который провел бок о бок с М. Горьким незабываемые годы, на страницах своего «Дневника» [8] записывает различные высказывания и оценки Горького, позволяющие ощутить общее настроение «буревестника революции», его боль и разочарование в том, какие формы приобретают революционные преобразования в России.

В кругу единомышленников Горький не раз взрывается от негодования, когда его просьбы о защите преследуемых работников культуры или ученых либо игнорируются, либо вовсе не выполняются. Дневник Чуковского доносит до нас страницы, рисующие драматизм переживаний Горького: «Сейчас видел плачущего Горького. "Арестован Сергей Федорович Ольденбург, — вскричал он. <…> Ну, что же я могу? — наконец выговорил он. — Я им подлецам заявил, что если не выпустят сию минуту…

я им сделаю скандал, я уйду совсем из коммунистов. Ну их к черту!" Глаза у него были мокрые» [8, с. 114].

Неоднократно упоминая о своих поездках в Москву к Ленину, М. Горький рассказывает К. Чуковскому: «Говорил я сегодня с Лениным по поводу декрета об ученых. *Хохочет* (курсив мой. — *С. Т.*). Этот человек всегда хохочет. Обещает устроить все, но спрашивает "Что же это вас еще не взяли?.. Ведь вас (питерцев) собираются взять"» [8, с. 124].

Очень рано Горький почувствовал нападки на Дом искусств, когда появились в печати реплики о «буржуазных отбросах». Выступая на разного рода совещаниях, он доказывает, что именно здесь кипит большая творческая работа, бьется пульс культурной жизни. Его контакты с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Луначарским способствовали тому, что ДИСК не попадал некоторое время под прямые атаки властей. Его терпели…

В своих статьях М. Горький высказывает мысли, ставшие основополагающими для объединившихся под крышей ДИСК: «Революция без культуры — дикий бунт. Революция только тогда плодотворна, когда она совершается духовно — в разуме людей, а потом уже физически — на улицах и баррикадах» [2, с. 9]. Однако реалии сложной действительности ставили все более грозные вопросы. Смерть А. Блока, арест и расстрел Н. Гумилева стали мрачными аккордными событиями в судьбе ДИСК. Обострение туберкулеза вынуждает М. Горького к отъезду за границу.

Самым надежным помощником М. Горького в организации работы ДИСК, его реальным и деятельным «мотором» был К. Чуковский, активный переводчик литературы, талантливый писатель, критик. Чуковский взял на себя всю организационную работу по культурной деятельности ДИСК, а также заботы о быте писателей, о добывании продовольствия, одежды, хлопоты о голодающих писателях, о получении для них ордеров на несколько поленьев дров, пайков на селедку, пшено. Это был труд, в том числе связанный с унизительными хождениями по кабинетам новой власти, которые К. Чуковский называл «источниками пропитания». В то же время собственная творческая деятельность К. Чуковского была колоссальной. По ночам он писал научные монографии о творчестве русских классиков, переводил английскую литературу, готовился и потом выступал с увлекательными лекциями о русской и мировой литературе.

Своему «Дневнику» он частично доверяет подчас отчаянные мысли о многолетней мучительной бессоннице, об опухших от голода руках, которые примерзают к столу. Понимая и принимая высокую культурную миссию, которую взял на себя ДИСК, К. Чуковский с болью переживает трагичность судеб его участников, опасные атаки властей.

Опасная атмосфера вокруг ДИСК, ограничение свободомыслия в творческой работе писателей, ожесточение всех видов цензуры, запрет многочисленных изданий к 1921 году обрели еще более разрушительные формы. Отъезд М. Горького за границу, массовая эмиграция интеллигенции создают у Чуковского ощущение духовного и творческого кризиса. Дневник фиксирует это состояние: «Замучен, голоден, ежесекундное безденежье, бесхлебье, безздоровье, бессонница» [8, с. 139].

А тем временем ДИСК ожидали новые испытания. Приход нэпа на фоне большевизации страны усилил и ожесточил угрожающую тенденцию распада культурных ценностей. В зоне культуры нэп предстал как торжество разбогатевшей пошлости, смена нравственных и культурных устоев.

Под давлением общих сдвигов свои потрясения испытывает и Дом искусств. Переизбирается Высший совет ДИСК, который пересматривает направление его работы, заменяя культурную просветительскую программу на клубно-развлекательную, приносящую денежные доходы (казино, платный бильярд, концерты, танцевальные вечера, выставки-продажи картин неизвестных художников в духе дешевой стилистики нэпа и т. д.). «Я чувствую, как меня со всех сторон сжал нэп», — записывает в «Дневнике» К. Чуковский [8, с. 237], а также: «Вот уже два месяца ни одной лекции, ни одного чтения. Студия распалась, нет никакой духовной жизни — смерть! <…> Вот до чего докатилась наша высокая и благородная затея!» [8, с. 204].

Для художественного мышления интеллектуала пореволюционной эпохи твердо стоять на позиции неразрывных связей искусства с лучшими традициями прошлого было достаточно смело. Это означало идти против течения. Плодотворная деятельность Дома искусств, включая высокохудожественные тексты, выходившие из-под пера творцов, не могли оставить без внимания и угрожающего комментария происходящее. Удары, наносимые в адрес ДИСК, поступали с разных сторон.

Красная черта революции прошла через судьбы творческой интеллигенции, разделив ее подчас на враждебные лагеря. Встретившись в сентябре 1918 года с Александром Блоком, Зинаида Гиппиус не желает подать ему руку, о чем громогласно заявляет: «Вы знаете, что мосты между нами взорваны…» [1, с. 162]. Ее агрессия направлена против опубликованной Блоком поэмы «Двенадцать», названной в критике тех лет портретом эпохи.

Дневники З. Гиппиус, которые она ведет в эти трудные годы, содержат резкие обвинительные акты против писателей, художников, с ее точки зрения потерявших свое лицо и оказавшихся «на той или иной службе у большевиков» [1, с. 60]. В созданном ею обвинительном списке «проклинаемых» в том числе много имен писателей, поэтов, художников, участников деятельности ДИСК, выполнявших трудную миссию — быть мостом между прошлой высокой национальной культурой и делающим первые шаги, полным подстерегающих опасностей настоящим. Приведем лишь несколько имен из списка З. Гиппиус, опуская крайне уничижительные комментарии в адрес тех, кто еще недавно был среди коллег. Список возглавляет А. Блок («потерянное дитя, теперь с большевиками»), продолжают Андрей Белый, А. Бенуа, К. Петров-Водкин, Сергей Есенин, Вс. Мейерхольд («Надрывается от усердия к большевикам. Кажется, особенная дрянь») [1, с. 69]. В списки попадают М. Горький и К. Чуковский, основатели и организаторы Дома искусств. Оскорбительные оценки дает З. Гиппиус признанным уже в те годы деятелям литературы. Запись от 22 января 1918 года: «Мешаются, сливаются и маленькие писателишки, и более талантливые. А такие внесознательные, тонкостебельные, бездонно женские женщины, как поэтесса Анна Ахматова <…>, — *разве это люди*?» (курсив мой. — *С. Т.*) [1, с. 65].

Программно звучат в дневнике стихотворные строки З. Гиппиус, которым предпослано восклицание: «Да будут прокляты слова, дела и люди!» [1, с. 82].

Трагизм мировоззренческий, нравственный, крушение творческой личности — это лишь самый щадящий диагноз, который может быть поставлен судьбе русской поэтессы. Погибая духовно, она тянет за собой на дно судьбы тех деятелей культуры, которые пытаются не только сохранить свое достоинство, но и пытаются спасти других. Написание дневника в эти тяжелые годы Гиппиус сочетает с публикацией статей и очерков, которые резкостью обвине-

ний и оценок наносили чувствительные удары.

Сплотившиеся в ДИСК деятели русской культуры ощущали себя носителями высокой миссии сохранить свою культуру. Они не были идеологическими приспособленцами, не обменивали свои высокие убеждения на жалкие пайки. Их позиции предопределили неизбежность финала ДИСК. Они не были слепы, примеров этому много.

В годы «красного террора» Лев Лунц, член серапионова братства, создает свою новаторскую драматургию: трагедию «Вне закона», трагикомедию «Обезьяны идут!» и драму-антиутопию «Город Правды». Вслед за своим учителем Е. Замятиным, написавшим в 1920 году роман-антиутопию «Мы», Лунц раскрывает корни социальной трагедии, когда человеку с его свободолюбием угрожают стада жестоких, обезумевших обезьян, а поход в «землю обетованную» в «Городе Правды» завершается братоубийственной войной. В 1921 году лично наркомом просвещения А. Луначарским трагедия Лунца «Вне закона» в момент репетиции на сцене Александринского театра была запрещена как антиреволюционная.

Тревожные дни ДИСК нашли свое отражение в романе Ольги Форш «Сумасшедший корабль» [7]. Он был создан по воспоминаниям писательницы о своем проживании и работе в творческой среде ДИСК. Завершение романа в начале 1930-х годов совпало с временем идеологической фильтрации культуры под рапповским лозунгом «Союзник или враг?». Поскольку идеей романа была преемственность культур, роман был запрещен к изданию и вышел в свет спустя пятьдесят лет. Сегодня его страницы доносят до нас достоверные черты эпохи 1920-х годов.

Образная стилистика романа запечатлевает картины уличных столбов Петербурга, несущих людям объявления с набатным содержанием о начале «красного террора», о борьбе с кронштадтскими мятежниками, об аресте и расстреле Н. Гумилева: «На столбах был расклеен приведенный уже в исполнение приговор. Имя поэта там значилось» [7, с. 93]. И каким черным юмором веет от текста реального объявления: «Каждый гражданин имеет право быть сожженным» [7, с. 105]. Здесь речь идет об открытии в Петербурге крематория, куда объявления приглашали желающих на экскурсию сожжения.

Роман О. Форш рисует сцены, в которых реквизированные в частных собраниях и библиотеках тонны книг сбрасывались для уничтожения в складские помещения. Комментарий к подобному варварству сегодня может выглядеть еще более устрашающим. В перестроечные годы рассекречен документ 1924 года, название которого красноречиво говорит о его содержании: «Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален, с книжного рынка» [3, с. 252–277]. Списки книг в количестве 990, подлежащих запрету и уничтожению, составлялись под руководством Н. Крупской, которая занимала в те годы пост председателя Главполитпросвета при Народном комитете просвещения, являлась членом ЦК партии большевиков.

Списки по алфавиту авторов являют собой хаотичную картину: в них смешались книги по истории, философии, книги, относящиеся к русской и мировой литературе, издания, посвященные политике, экономике и пр. Вот лишь немногие примеры запрещенной художественной литературы, русской и мировой классики: Карамзин, Л. Толстой, Некрасов, Гаршин, Лесков, Короленко, Беранже, Боккаччо, В. Скотт, Байрон, Мериме, Андерсен, Уэллс. В список попали многие современные писатели: А. Белый. Б. Пильняк,

М. Зощенко, М. Цветаева, В. Набоков, А. Ахматова, Н. Гумилев, Е. Замятин, И. Эренбург, М. Волошин и др. Многие из «приговоренных» были связаны с работой в Доме искусств.

Так полотно истории русской литературы в результате хирургии превращалось в поле после ожесточенной битвы.

Вброшенный в жгучие недра эпохи, ДИСК как мог боролся за свое существование. Однако силы были не равны. Уничтожение ДИСК было на руку властям. Это был в контексте революционных преобразований слишком значимый элемент высокой культуры, а концентрация мощной творческой элиты являлась слишком сильным противодействием утилитарности большевизма в его стремлении уничтожить старый мир «до основанья», чтобы затем построить новый мир.

Одной из могучих опор власти, начиная с двадцатых годов, выступала цензура, к 1922 году объединившая свои отделения и комитеты в единый орган Главлит. Соответственно и задачи, поставленные перед этим органом, носили характер тотального контроля. Для запрета издания художественного текста достаточно было выловить у героя возглас: «Боже мой!». По указанию цензуры рассыпались уже набранные тексты рукописей.

От К. Чуковского в его увлечении создать новую детскую литературу, в эти годы написавшего свои бессмертные книги «Мойдодыр», «Муха-Цокотуха» и другие, в процессе подготовки рукописи настойчиво требовали, например, героя Ваню сделать комсомольцем, свадьбу в «Мухе-Цокотухе» убрать как буржуазный ритуал и т. д. В результате заключение цензуры: не печатать ввиду «идеалистического уклона». К 1925 году все произведения К. Чуковского были запрещены. А далее, с лихой руки критика К. Свердлова, был пущен в ход запретительный термин «чуковщина» [4, с. 7].

1922–1923 годы принесли новые серьезные потери. Для членов ДИСК повальное закрытие огромного числа печатных органов было равносильно лишению их печатного слова. К этому времени всего было закрыто более 470 оппозиционных газет. В том числе были закрыты журналы, непосредственно связанные с их деятельностью: «Дом искусств», «Летопись дома литераторов», «Записки мечтателей», «Литературные записки», «Новая Россия», «Культура и жизнь», «Русский современник» и многие другие. В 1920 году был создан спецхран (закрытое хранение запрещенных книг).

С закатными днями ДИСК связаны такие грозные акции, как высылка из страны ста двадцати писателей, философов, историков, неугодных власти, на так называемом «корабле философов».

По существу, теоретическая и практическая платформа работы с инакомыслием в области литературы и культуры была представлена в вышедшей в 1923 году книге Л. Троцкого «Литература и революция». В ней выявлены «с революционных позиций» деятели литературы, в отношении которых предложена практическая методика развенчания и уничтожения. Это, по терминологии Троцкого, группы: «отгородившиеся», «неистовствующие», «островитяне», «пенкосниматели», «присоединившиеся» [6, с. 30].

Насилие над культурой, судя по позиции автора книги, истолковано им как нормальное и необходимое. Так, обращаясь к оценке деятельности группы «Серапионовы братья», автор не обходится без прямых угроз: «Если серапионы оттолкнутся от революции окончательно, они сразу обнаружатся как второ- и третьестепенные эпигоны <…> Баловать с революцией нельзя. *Здесь наказание вытекает непосредственно из преступления*» (курсив мой. — *С. Т.*) [6, с. 66]. Примером «революционных методов анализа» у автора книги может

служить оценка творчества Андрея Белого: «Позволительно сказать, что самый псевдоним его свидетельствует о его противоположности революции, ибо самая боевая эпоха революции прошла в борьбе красного с белым» [6, с. 54].

К 1923 году неравная борьба ДИСК с властью была завершена его закрытием, о котором было объявлено участникам зычным голосом председателя Петроградского Совета Г. Зиновьевым.

Высокодуховные страницы, которые Дом искусств вписал в историю русской литературы первой четверти XX столетия, восполняют пустоты, пробитые неумолимой рукой нашей отечественной истории. Эстетическое стремление лучших представителей русской литературы позволило взять на себя ответственность за будущую судьбу России, пытаясь уберечь ее национальное достояние перед лицом настоящего и грядущей волны репрессий, создавая в эти годы уникальные творения литературы и культуры в поэтических текстах, художественных полотнах, высоких театральных предвосхищениях.

На памятном юбилее поэта Михаила Кузмина 29 сентября 1920 года Блок произнес прекрасную речь: «Как это чудесно, — говорил он, обращаясь к юбиляру, — что, когда все мы уйдем, родятся новые люди, и для них опять зазвучат Ваши «Александрийские песни» и Ваши «Куранты любви» — те самые, которые омывали, и пропитывали, и жгли солью музыкальных волн души многих из нас… Мы от всего сердца желаем, чтобы создалась наконец среда, где мог бы художник быть капризным и прихотливым, как ему это нужно, где мог бы он оставаться самим собой, не будучи ни чиновником, ни членом коллегии, ни ученым» [5, с. 146].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гиппиус З.* Дневники. М.: НПК Интелвак, 1999. Т. 2. 720 с.
2. *Горький М.* Культура и свобода. Пг., 1918. Сб. 1. С. 9.
3. Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален, с книжного рынка // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 253–277.
4. *Свердлов К.* Красная печать. 1928. № 9. С. 7.
5. *Тимина С.* Культурный Петербург: ДИСК 1920-е годы. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 392 с.
6. *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
7. *Форш О.* Сумасшедший корабль. Роман. Рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Тиминой. Л.: Художественная литература, 1988. 424 с.
8. *Чуковский К.* Дневник 1901–1929. М.: Современный писатель, 1997. 544 с.

REFERENCES

1. *Gippius Z.* Dnevniki. T. 2. M.: NPK Intelvak, 1999. 720 s.
2. *Gor'kij M.* Kul'tura i svoboda. Sb. 1. Pg., 1918. S. 9.
3. Rukovodjashchij katalog po izjjatiju vseh vidov literatury iz bibliotek, chitalen, s knizhnogo rynka // Rossijskij literaturovedcheskij zhurnal. 1994. № 4. S. 253–277.
4. *Sverdlov K.* Krasnaja pechat'. 1928. № 9. C. 7.
5. *Timina S.* Kul'turnyj Peterburg: DISK 1920-e gody. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2012. 392 s.
6. *Trotskij L.* Literatura i revoljutsija. M.: Politizdat, 1991. 400 s.
7. *Forsh O.* Sumasshedshij korabl'. Roman. Rasskazy. Sost., vst. stat'ja i kommentarii S. Timinoj. L.: Hudozhestvennaja literatura, 1988. 424 s.
8. *Chukovskij K.* Dnevnik 1901–1929. M.: Sovremennyj pisatel', 1997. 544 s.